

Естественные науки в культуре раннего русского модернизма

Колин Макуилен, Фредерик Х. Уайт

От составителей

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_11

Colleen McQuillen, Frederick H. White
From the Compilers

В конце XIX века колосс европейского модернизма Фридрих Ницше объявил: поскольку люди воспринимают природный мир, интерпретируют его и служат инструментом его познания, наука — это такая же конструкция, как и язык, и оба они — продуктивные метафоры, используемые нами для создания иллюзии истины (см.: [Nietzsche 2015]). В середине XX века Мишель Фуко пришел к выводу, что такие научные дисциплины, как экономика, лингвистика и биология, — это эпистемы, или дискурсивные образования, системы бессознательные, но созданные человеком для производства, организации и контроля знаний (см.: [Foucault 1966]). Современный философ Бруно Латур продолжил развивать мысль о том, что объективность научного факта — это конструктивистское заблуждение, а недавно предложил более плодотворную аналитическую модель теории актора и сети, чтобы сгладить кажущийся разрыв между Природой и Обществом (см.: [Latour 2005; Latour, Woolgar 1979]). Несмотря на все эти умозрительные концепции, продолжает существовать миф о науке (строгие методы, эмпирические данные, объективные факты, законы природы) как явлении, отдельном от культуры (социальных и художественных практик, эстетических предпочтений и экспериментов, философских идей) и внеположенном ей.

В настоящем разделе мы предлагаем свой вклад в эту актуальную дискуссию об отношениях между наукой и культурой: серию статей, показывающих, как идеи и практики, связанные с естественными науками — биологией, энтомологией, геологией, палеонтологией и физикой — проникали и в массовую культуру, и в элитарную литературу раннего модернизма. Этот период культурного расцвета и радикальных эстетических экспериментов, часто называе-

мый Серебряным веком, совпал с эпохой модернизации и индустриализации России. Обходя вниманием широкое распространение технических и научных знаний, поступающих из-за рубежа, и развитие науки и научных учреждений в России в то время, традиционные культурно-исторические исследования Серебряного века до сих пор редко сосредоточивались на том, как многочисленные эстетические течения и их представители были связаны с новейшими научными теориями и практиками. Даже в саму эту эпоху российские культурные критики, говоря об эстетической эклектике «Мира искусства» и мистической абстрактности символизма, применяли французское понятие «l'art pour l'art», разработанное Теофилом Готье и используемое для характеристики литературного романтизма (см.: [Gautier 1835]). Советские критики также охотно дискредитировали искусство и литературу Серебряного века как выражение буржуазности и индивидуалистического самолюбования.

Что так и осталось недооцененным и по-прежнему ждет более глубокого исследования, так это то, в какой степени усилия по популяризации естественных наук в России времен позднего самодержавия повлияли на формирование интеллектуального и публицистического ландшафта, на фоне которого развивались и творили высокую литературу писатели той эпохи. Историк Джеймс Эндрюс утверждает: «Русские интеллектуалы в позднецаристской России были миссионерами в своем стремлении популяризировать добродетели и важность *науки* — и термином этим они обозначали не только науку как таковую, но также прогресс и просвещение» [Andrews 2003: 7]. Принципиально важно то, что наука предполагала развитие, и это было концептуальной скрепой модернизации. По мере того, как Россия в конце XIX века стала агрессивно продвигаться по пути индустриализации, она начала рассматривать естественные и прикладные науки как двигатели прогресса. Прогресс же был способом измерения расстояния между историческим прошлым и текущим моментом, одним из принципов, определяющих модернистское мировоззрение.

В попытке разработать контрнарратив раннего модернизма, который в полной мере отразил бы культуру того периода как точку пересечения искусств и наук, данная подборка статей объединяет текущие исследования, выполняемые в рамках междисциплинарного подхода. В статье о техне в натурфилософии Толстого **Юлия Вайнгурт** показывает, что при всестороннем рассмотрении письменные свидетельства Толстого в опровержение доминирующего среди критиков мнения выявляют его вдумчивое и тонкое понимание технического прогресса, предвосхитившее некоторые из наиболее влиятельных теорий в этой области, появившихся в XX веке. Идея прогресса проявляется и в дарвиновской теории эволюции, которая была положена в основу параллельной псевдонаучной теории вырождения. **Фредерик Х. Уайт** исследует популяризацию медицинской теории и усвоение ее общественным и литературным дискурсом в России начала XX века, показывая, что теория вырождения стала универсальной метафорой, объединившей реальных преступников и криминальных антропологов — и героев-неврастеников, и их создателей-литераторов. Дарвин стал влиятельной фигурой благодаря не только своим идеям, но и своей риторике. **Риккардо Николози** рассматривает риторический аспект дарвинизма, одного из наиболее влиятельных дискурсов в культуре раннего российского модернизма, и демонстрирует значение риторической аргументации и, в частности, разных форм рассуждения по аналогии — как

в работах Дарвина, так и в трудах его российских адептов (Кесслера, Кропоткина и др.). В центре внимания статьи **Мики Эрли** — аналогия как риторическая фигура, выступающая в качестве связующего звена между естественными науками и культурой. Рассуждения о симбиогенезе и колониях эусоциальных насекомых рассматриваются здесь как модели социальной организации, чтобы продемонстрировать, насколько различные политические утопии были построены К.С. Мережковским и А.А. Богдановым, несмотря на общность повлиявших на них источников и использованных ими естественно-научных примеров.

Елена Фратто продолжает разговор о важности мышления по аналогии, рассматривая метаболизм на двух уровнях: как биологическую функцию — и как способ преобразования энергии, преодолевающий границы между человеческим и нечеловеческим. Исследователь рассматривает два научно-фантастических текста — роман А. Богданова «Красная звезда» и рассказ А. Беляева «Ни жизнь, ни смерть» — в контексте дореволюционных научных теорий, на которых они основаны (в частности, представлений о переливании крови и анабиозе), и концепций системного мышления.

Если в предыдущей работе идет речь об отношениях между темпоральностью и биологией, определенных дарвиновской эволюцией и опротестованных идеей анабиоза, другие исследования в рамках нашего проекта рассматривают время как природный и геологический феномен. **Филипп Коль** сравнивает эволюционное и мифологическое время у В. Брюсова и К. Бальмонта и показывает, как научные модели необратимого природного времени становятся основой для позднесимволистских поэтологических концепций и поэтического творчества. **Колин Макуилен** анализирует стихотворения палеонтологической и геологической тематики из сборника М. Зенкевича «Дикая порфира» в контексте ключевых палеонтологических открытий рубежа XIX—XX веков и показывает, что планетарное сознание Зенкевича, сформировавшееся в эпоху активной популяризации науки, является эмблемой модернистского мировоззрения и ключевым моментом в понимании культуры модернизма.

Как редакторы-составители данного раздела, мы уверены: наш проект — убедительное свидетельство того, что период от расцвета позитивизма в XIX веке — и до раннесоветских научно-технических доктрин представляет собой важный момент пересечения естественных наук и литературы. В промежутке между тургеневским Базаровым в «Отцах и детях» и булгаковской сатирой о неудачных научных экспериментах в «Собачем сердце» и «Роковых яйцах» находится целая плеяда авторов и произведений, источником вдохновения и моделью критического мышления для которых послужили естественные науки. Для раннего российского модернизма характерно активное взаимодействие искусств и наук, и, что не менее важно, границы между общественными и естественными науками (или псевдонауками), с одной стороны, и искусствами — с другой, были тогда далеко не так четко очерчены, как в наши дни.

Пер. с англ. Арины Волгиной

Библиография / References

- [Andrews 2003] — *Andrews J.T.* Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917—1934. Texas A&M University Press, 2003.
- [Foucault 1966] — *Foucault M.* Les mots et les choses: Une archéologie des sciences humaines. Paris: Gallimard, 1966.
- [Gautier 1835] — *Gautier T.* Mademoiselle de Maupin. Paris: Garnier Frères, 1835.
- [Latour 2005] — *Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-network-theory. Oxford; New York: Oxford University Press, 2005.
- [Latour, Woolgar 1979] — *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1979.
- [Nietzsche 2015] — *Nietzsche F.* Über Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinne. Stuttgart: Reclam, 2015.